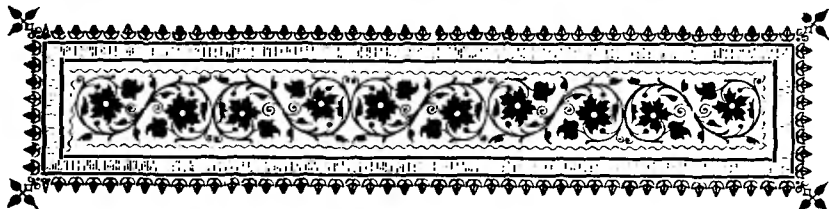

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер.И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1904. Т. 3. № 10. С. 1–16 (1-я пагин.). (Начало)

Святаго отца нашего

БЫВШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО

НИКИФОРА

РАЗБОРЪ И ОПРОВЕРЖЕНІЕ

**невѣжественнаго и безбожнаго суесловія нечестиваго Мамоны¹⁾
противъ спасительнаго воплощенія Бога Слова.**

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Итакъ, мы совершили и закончили состязаніе въ прежнемъ нашемъ сочиненіи²⁾. Предшествовавшее изслѣдованіе посредствомъ Священнаго Писанія доказало, что вѣра христіанская чужда идольскаго нечестія, и посрамило *помыслившихъ и глаголавшихъ неправду въ высоту* (Ис. 72, 8), выставивъ на видъ ихъ безуміе. Теперь же мы снова приготовились перейти на другое поприще борьбы съ нечестіемъ. Такъ какъ, согласно прежде сказанному нами, враги истины

¹⁾ Разумѣется Императоръ Константинъ Исавріецъ, главный виновникъ собора 754-го года, отмѣниващаго иконопочитаніе.

²⁾ Здѣсь разумѣется обширное „защитительное слово“, переведенное въ 1-й части твореній Никифора. Въ рукописномъ кодексѣ оно предшествуетъ сочиненіямъ противъ Константина.

воздвигаютъ двоякую брань противъ вѣры, то мы по примѣру ревнителя Финееса, вооружившись копьемъ Духа и пользуясь содѣйствіемъ самой истины, за которую сражаемся и подвизаемся и ради которой у насъ возникла настоящая война, однимъ ударомъ поразимъ Мадіанитское безбожіе вмѣстѣ съ Іудейскимъ невѣріемъ, то есть Манихейское неистовство съ Аріанскимъ безуміемъ.

1. Итакъ, если спросить ихъ, гдѣ и когда они видѣли христіанъ, поклоняющихся идольскимъ мерзостямъ, какъ богамъ, они не имѣютъ что отвѣтить, и приходятъ въ сильное замѣшательство, подвергаясь мучительнымъ обличеніямъ самой истины, со связаннымъ языкомъ и наполненною мракомъ душой. Съ другой стороны, сознавая, что чрезмѣрно грѣшатъ предъ Богомъ своими нечестивыми нападеніями на святыни, и понимая, куда ведетъ это (ихъ) поношеніе (святынь), они обращаются тогда къ слову „неописуемый“. Думая избѣгать крайности въ оскорбленіи, они измыслили и облеклись въ благоприличную личину тѣмъ, что усвояютъ Христу наименованіе „неописуемаго“. Въ этомъ они надѣются найти себѣ оправданіе, ибо если не подобаетъ дѣлать изображенія, то они повидимому избѣгаютъ обвиненія въ нечестіи за поруганіе святынь, что еще болѣе выказываетъ ихъ безстыдство. Безумцы умышляютъ сокрыть отъ Бога свое нечестіе противъ Него. На самомъ же дѣлѣ заблудшіеся скрываются отъ самихъ себя. Но обманывать себя есть вѣрный признакъ людей неразумныхъ и сбившихся съ пути истиннаго.

2. По прежнему и въ этой области нечестія они вѣрны самимъ себѣ, ибо не обрѣтеніе истины имѣютъ въ виду эти несчастные, но заблужденіе Мамоны принимаютъ, какъ правило и точное изложеніе дог-

матовъ. До такой степени они потеряли здравый разумъ и предались постыдствамъ, почему и утвердилось среди нихъ это безразсудное и пустое ученіе. Совершенно справедливо будетъ и нынѣ сказать о такъ мыслящихъ, что отъ *виноградовъ бо Содомскихъ виноградъ ихъ, и розга ихъ отъ Гоморры: гроздь ихъ гроздь желчи, гроздь горечи ихъ* (Второз. 32, 32). Какъ бы почерпая непримѣсную горечь злочестія изъ этого ученія и опьяняя умъ сочиненными Мамоной баснями, они неразумно направляютъ языкъ свой на странную и бессмысленную болтовню. Послѣ долгой работы, испортивъ и поддѣлавъ много книгъ, подвергнувъ изслѣдованію мнѣнія весьма многихъ славныхъ отцевъ нашихъ, а также и сонма отгнанныхъ отъ церкви, при всѣхъ стараніяхъ извратить и подмѣнить ихъ, они не добились ничего. Тѣмъ болѣе они, подобно язычникамъ, ублажаютъ божескими почестями Мамону и, безразсудно слѣдуя его мнѣніямъ и взглядамъ, пріемлютъ и привѣтствуютъ его, какъ своего роднаго. И особенно тѣ изъ нихъ, кои безразсудно стали во главѣ этого отступничества въ надеждѣ заслужить славу отъ этого позорнаго дѣла, принимаютъ это ученіе Мамоны безъ всякой провѣрки и изслѣдованія. Вѣдь зло легко, путь къ худу широкъ и плотоугодники удобопреклонны къ мірскимъ прелестямъ. Вслѣдствіе этого зло у нихъ увеличилось и они предали свое спасеніе, какъ бы одержимые заразною и душепагубною болѣзнію. По этой же причинѣ они привлекаютъ слово *неописуемый*, при помощи котораго коварно и лукаво стараются до самаго основанія ниспровергнуть божественное домостроительство Спасителя нашего. Выдвигая это слово противъ православныхъ и противопоставляя его имъ, какъ необоримую стѣну, они надѣются одержать верхъ, такъ

какъ, по ихъ мнѣнію, непринятіе (этого довода) принудитъ допустить раздѣленіе единой ипостаси во Христѣ. Но вѣдь ухищренія лжи разнообразны и многовидны: и вотъ они дѣлаютъ видъ, что принимаютъ домостроительство, изъ опасенія (обвиненія) въ иномысліи, ограничиваясь только словами, на дѣлѣ же не только его отвергаютъ, но считаютъ врагами и тѣхъ, кои держатся его, и отгоняютъ ихъ сурово, безъ всякой пощады

3. Что же можно заключать отсюда? Не иное что, какъ вполне вѣрно подумать и сказать, что снова широко разверзлась Харибда Малеса предъ тѣми, кои плаваютъ въ безуміи жизни, поглощаетъ цѣлые флоты душъ и, увлекая потерпѣвшихъ крушеніе, низвергаетъ ихъ въ бездну гибели.

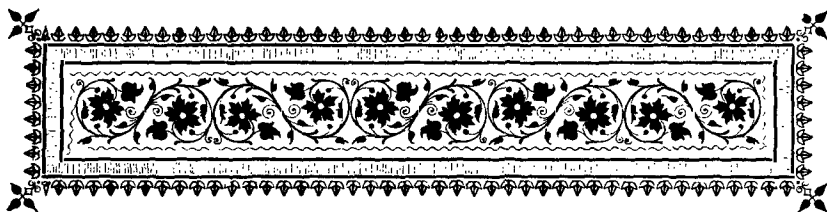
4. Снова химера аріанскаго пламени, сожигая душепагубнымъ огнемъ безбожнаго ученія умъ неосмотрительныхъ и неосторожныхъ, истребляетъ ихъ.

5. Снова многоголовая гидра Акефаловъ и смутительнаго единомыслія Евтихитовъ или, вѣрнѣе, Докетовъ, для раздѣленія и гибели прекрасно объединеннаго тѣла Церкви, выростила многообразные отпрыски ядовитыхъ порожденій. Вообще говоря, отъ совокупленія Манихейской ехидны и Аріанскаго аспида произошло какое-то новое двуглавое пресмыкающееся. Извѣстна уже одна такая скверная и гнусная секта Ипсистеріевъ, образовавшаяся изъ эллинскаго суесловія и іудейской лжи. Чудовище это подползло къ тѣмъ, кои презираютъ божественныя заповѣди и коимъ повелѣно уже охранять (отъ него) свою пятю, и влило сильный и пагубный ядъ въ души охотно внимающихъ этому ученію. А что Аріане составляютъ одно лжеученіе съ Манихеями, это мы ясно представимъ въ послѣдующемъ разсужденіи.

6. Для каждаго ясно, что ихъ стараніе направляется къ тому, чтобы совершенно отвергнуть многолюдные и богоизбранные соборы славныхъ отцевъ нашихъ, чрезъ посредство которыхъ, вѣримъ мы твердо, подъ водительствомъ дѣйствовавшаго и говорившаго въ нихъ Духа Святаго, для насъ содѣлалась яснѣе и вразумительнѣе истинность божественнаго таинства. Разумѣю соборы, кои были созваны: въ боголюбезномъ градѣ Никеѣ, митрополіи Виѣинской,—соборъ, которымъ гордится городъ Халкидонъ,—соборъ, отмѣченный совершеннымъ числомъ, составляющій украшеніе Византіи и созданный для вящаго обличенія, искорененія и уничтоженія настоящаго нечестія,—а также (разумѣю) и опредѣленія и узаконенія, что подъ водительствомъ внушенія свыше провозгласили бывшіе на немъ святые отцы, коими богомудро и вполнѣ справедливо опредѣляется воздвигать впредь честную икону Господа нашего Іисуса Христа въ человѣческомъ образѣ¹⁾, о совершеніи чего извѣстно было уже издревле, ибо священное изображеніе это современно явленію Господа²⁾,—агнецъ же, который былъ принятъ, какъ образъ, съ явленіемъ самой благодати уже не долженъ быть изображаемъ, ибо надлежитъ, чтобы древніе образы и сѣни, чтимыя нѣкогда какъ символы и предначертанія истины, были отмѣнены и чтобы мы имъ по всей справедливости предпочитали благодать и истину. Но прежде и больше всего они стараются устранить соборъ, коимъ величается Ефѣсъ и который велегласно объявилъ Христа Бога нашего описуемымъ по человѣчеству и связалъ страшнымъ проклятіемъ тѣхъ, кои не принимаютъ этого опредѣленія. Но нужно-ли го-

¹⁾ Разумѣется 82-е правило Трулльскаго собора.

²⁾ Изображеніе, посланное по преданію Спасителемъ Авгарю.

Святаго отца нашего

БЫВШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО

НИКИФОРА

РАЗБОРЪ И ОПРОВЕРЖЕНІЕ

невѣжественнаго и безбожнаго суесловія нечестиваго Мамоны ¹⁾
противъ спасительнаго воплощенія Бога Слова.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Итакъ, мы совершили и закончили состязаніе въ прежнемъ нашемъ сочиненіи ²⁾. Предшествовавшее изслѣдованіе посредствомъ Священнаго Писанія доказало, что вѣра христіанская чужда идольскаго нечестія, и посрамило *помыслившихъ и глаголавшихъ неправду въ высоту* (Ис. 72, 8), выставивъ на видъ ихъ безуміе. Теперь же мы снова приготовились перейти на другое поприще борьбы съ нечестіемъ. Такъ какъ, согласно прежде сказанному нами, враги истины

¹⁾ Разумѣется Императоръ Константинъ Исавріецъ, главный виновникъ собора 754-го года, отмѣниваго иконопочитаніе.

²⁾ Здѣсь разумѣется обширное „защитительное слово“, переведенное въ 1-й части твореній Никифора. Въ рукописномъ кодексѣ оно предшествуетъ сочиненіямъ противъ Константина.

безразсудство и невѣжество, намъ не подвергнуться подобному же обвиненію въ томъ, что занимаемся дѣтской болтовней. Человѣкъ, который старается опровергнуть подобныя (разсужденія), представляется скорѣе разрушающимъ домики, построенныя во время игры дѣтьми изъ песку, чѣмъ защищающимъ положенія, признаваемыя всѣми людьми здравомыслящими и чтущими истину. Но вѣдь они какъ бы по приказу хотятъ быть (считаться) мудрецами, хотя вовсе не стараются держаться истины, всѣми силами радѣютъ лжи и въ обширныхъ размѣрахъ пользуются издѣвательствомъ, болтовней и пустословіемъ на погибель многихъ,—и уловляютъ наиболѣе простыхъ, плѣбная многихъ вслѣдствіе необычайной ихъ тупости и неразумія, и такимъ образомъ увлекаютъ ихъ въ пропасть вмѣстѣ съ собою. Это соблазняетъ даже людей, считающихся очень умными и видныхъ, потому что соблазнъ часто касается и достойнѣйшихъ. Подобно смертоносной болѣзни, они можно сказать всѣмъ передаютъ свою погибель. Обольщаемые внѣшнею красотою ласкающихъ слухъ рѣчей, по невнимательности не замѣчая вырытой и прикрытой ямы, они неразумно и безславно попадаютъ въ сѣти невѣрія. Подъ (ложнымъ) видомъ христіанина, составившій эти сочиненія, безпощадно опустошалъ все истинно христіанское. Вотъ поэтому-то мы и не считаемъ неумѣстнымъ посвятить себя разбору этихъ сочиненій. Не откажемся изложить гнилыя, хрупкія, болѣе слабыя, чѣмъ паутина, ихъ разсужденія, противопоставляя имъ соотвѣтственныя доказательства истины, чтобы послѣ разоблаченія предъ всѣми ихъ нелѣпости люди благоразумныя поняли ложь и мерзость ихъ и позаботились о своемъ спасеніи. Каждому, думаю, ясно, что эти совершенныя невѣжды и неучи заблуждаются

относительно словъ неизобразимый (*ἀἰράματος*) и неопи-
суемый (*ἀπερίγραπτος*), отождествляя эти слова, во
многомъ несходныя, о чемъ мы будемъ говорить
впослѣдствіи при обсужденіи ихъ различія и значе-
нія. Теперь же, вопреки ихъ неразумію и невѣжеству,
выступимъ собственно противъ положеній, выставлен-
ныхъ ихъ учителемъ. Будетъ ясно, что если рушатся
ухищренія виновника зла, то съ нимъ терпятъ не-
удачу и предпріятія приверженцевъ его ученія.

8. Наша рѣчь будетъ направляться одновременно
и противъ изобрѣтателя и отца этого театральнаго
догмата и противъ его приверженцевъ, легкомыслен-
ныхъ распространителей этого шутовскаго и обман-
чиваго ученія. Впрочемъ, пора уже перейти къ из-
слѣдованію ихъ положеній. При этомъ легко изобли-
чить выставляющихъ ихъ въ томъ, какъ много въ
этихъ положеніяхъ оказывается страннаго, придуман-
наго съ цѣлью обольщенія и обмана толпы, и на-
сколько они исполнены хулы. Мы опустимъ много-
словную и назойливую болтовню, предлагающую слу-
шателямъ множество фразъ, и выступимъ противъ
того, что представляется самымъ главнымъ въ ихъ
глупости. Не менѣе того обращаетъ на себя внима-
ніе, какимъ образомъ онъ обращается съ своею рѣчью
къ тогдашнимъ представителямъ священнаго сана.
Ведя рѣчь въ видѣ вопроса, онъ притворяется, будто
ищетъ рѣшенія своихъ недоумѣній, хотя напередъ
уже составленные взгляды свои предъявляетъ съ ве-
ликою властностью, со всею смѣлостію и себялюбіемъ.
Положенія его таковы.

9. „Святая Божія соборная насъ всѣхъ христіанъ
Церковь приняла (по преданію) такъ исповѣдывать
Сына и Слово Бога: простымъ по природѣ, вопло-
тившимся отъ Пресвятой, Пречистой Госпожи нашей

Богородицы Приснодѣвы Маріи, не превратившимъ ни божества Своего въ плоть, ни Своей плоти, чрезъ возвышеніе ея (не превратившимъ) въ божество, но при объединеніи обоихъ естествъ въ неслитное единеніе божества и человѣчества, Онъ остается единымъ съ единою ипостасью, то есть двойственнымъ въ единомъ лицѣ, хотя всякій образъ обыкновенно представляется происшедшимъ отъ какого-либо первообраза“.

Таково предисловіе. Что же мы можемъ сказать на это? Такъ какъ рѣчь его обращается къ христіанамъ, то тотчасъ же и съ самаго начала онъ надѣваетъ личину христіанина, скрывая пока въ тайникахъ души свое лукавство и хитрость. Онъ хвалится, что хранить церковное преданіе, и представляется чтущимъ тайну домостроительства Бога Слова. Притворяется, что почитаетъ Пресвятую Дѣву какъ Матеръ Божію, которую въ другое время всячески старался представить недостойною почитанія, отвергая ея молитвы за насъ предъ Богомъ, коими, какъ подающими избавленіе, содѣвается спасеніе всѣхъ христіанъ, утверждающихся непоколебимыми надеждами. Этими притворными рѣчами онъ привлекаетъ къ себѣ расположеніе слушателей, чтобы чрезъ это получить возможность обмануть ихъ. Здѣсь оказываются совершенно точно исполнившимися на немъ слѣдующія священныя слова, гласящія: *стрѣла уязвляющая языкъ ихъ* (Перем. 9, 8), *гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льщаху* (Псал. 5, 10). Они убѣждаютъ по виду мягкими и пріятными словами, обольщая слухъ, но на самомъ дѣлѣ ранятъ какъ острыми стрѣлами души невѣждъ, глубоко поражая тяжелыми и неисцѣльными ранами. Упорно и злокозненно устремляясь противъ истины, онъ не дерзаетъ обнаруживать нечестіе тотчасъ же. Благоразумно онъ излагаетъ правое ученіе

съ цѣлью казаться мыслящимъ здраво и неукоризненно, замышляя овладѣть расположеніемъ большинства, чтобы потомъ, когда онъ будетъ изрыгать свое лукавство, явиться убѣдительнымъ и тѣмъ легче овладѣть повѣрившими его измышленіямъ. Но нужно смотрѣть не на слова, а проникать въ намѣренія. На самомъ дѣлѣ имъ поднимается брань противъ домо-строительства Единороднаго. Здѣсь вздымается и усиливается Тифонъ нечестія, противопоставляющій нашимъ святымъ догматамъ свое зловѣріе. Вопреки всякому праву и священнымъ нашимъ законоположеніямъ онъ возстаетъ противъ того, чего ему не подобало касаться и что онъ не имѣлъ права разсматривать, съ яростію и ненавистію устремившись противъ Церкви. Вѣдь всѣмъ извѣстны тѣ, кого Богъ поставилъ въ Церкви Своей, тоестъ указанные тайноводственнымъ ученіемъ великаго Апостола (Дѣян. XX, 28; ср. 1 Кор. 12, 28). Ему надлежало заниматься государственными и царскими дѣлами, но, возлюбивъ собственное плотоугодничество и страсти болѣе славы Божіей, толкаемый внушеніями своихъ руководителей, съ страшнымъ неистовствомъ поднялъ онъ руку противъ православныхъ, а языкъ свой изощрилъ противъ правой и непорочной вѣры нашей. Кто приложитъ вниманіе и тщательно разберетъ дѣло, тотъ легко пойметъ, что онъ не только противится истинѣ, но и недостойнымъ образомъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой.

10. „Святая Божія, говоритъ, и соборная всехристіанская наша церковь“. О какой церкви говоришь ты здѣсь?—спросить его кто-нибудь. Если ты въ суетѣ своихъ мечтаній и разсужденій вообразилъ какую другую и отдѣлилъ свою особую, то это будетъ твое искусственное созданіе. Если же ты говоришь о

Церкви нашей, то какъ здѣсь называешь святою ту, которую въ другое время ты постарался при помощи измышленій и злоухищреній выставить недостойною и нечистою служительницею бѣсовъ, поклоняющеюся мерзостнымъ идоламъ, и обвинилъ ее въ томъ, что она пріобыкла къ этому съ древнихъ временъ? Таковы изверженія твоего ума, такова дерзость твоего богоборнаго языка. Не только на словахъ, но и въ письменахъ, вездѣ оставилъ ты слѣды хуленія въ изобличеніе совершеннаго тобою беззаконія въ отношеніи къ Богу и людямъ. Зачѣмъ же ты украшаешь Церковь наименованіемъ святой и соборной, если хочешь защищать собственное ученіе и возставать противъ нашихъ божественныхъ догматовъ, объявляя ее идольскою и ставя рядомъ Бога и бѣсовъ? Не являешься ли ты самъ скорѣе идолопоклонникомъ? Опуская болѣе сокровенное, скажу: ты, прилѣпившійся къ міру, превозносимый мірскою славою, рабъ плоти и любострастія, временными и земными благами измѣряющій все блаженство, ни о чемъ не думающій кромѣ земного, не желающій искать славы въ упованіи на Бога и сохраненіи заповѣдей, отъ которыхъ заблудился, какъ преданный міру и страстямъ, ты утерялъ наслѣдованіе царства небснаго и будешь отосланъ въ уготованное тебѣ судомъ Божиимъ мѣсто въ гееннѣ.

Ты обвиняешь христіанскую вѣру и осуждаешь въ безсиліи силу всесильнаго Бога, какъ будто Онъ не въ состояніи освободить родъ человѣческій отъ идольскаго заблужденія. Все это ты дѣлаешь для того, чтобы ранѣе избѣжать обнаруженія ничтожества и мерзости твоихъ мыслей и коварно скрыть свой позоръ.

Поэтому ты подрываешь лозу Христову, которую

Онъ вывелъ изъ духовнаго Египта и избавилъ отъ дѣланія кирпичей изъ грѣховной глины и отъ невидимыхъ надсмотрщиковъ, какъ вепръ лѣсной, и объѣдаешь ее, какъ полевой звѣрь (Пс. 79, 14). Неистовствуетъ онъ противъ нея нисколько не менѣе, чѣмъ неистовствовалъ противъ племени Іакова жестокосердый и ненавистный надсмотрщикъ Египетскій или тираннъ и надменный властитель Вавилонскій. Вѣдь и ты, устремившись противъ наслѣдія Христова, удѣла избраннаго и особенно противъ наиболѣе ревностной (въ вѣрѣ) части его, и подвергнувъ нестерпимымъ и многообразнымъ мученіямъ, довелъ истязанія до убійства. Это служитъ первымъ доказательствомъ твоего безумія.

11. Потомъ: „приняли такое исповѣданіе“. Здѣсь мнящій себя мудрѣйшимъ всѣхъ или говоритъ то, чего не понимаетъ, или же опять намѣренно хочетъ обмануть кого-то. И я не знаю, надо ли обвинять его въ глупости или въ злодѣйствѣ. Пусть же выслушаетъ. Ты опять ссылаешься на преданіе? Такъ что же? Развѣ ты не принимаешь прежде всего древле и изъ начала преданные святыми апостолами и достоуважаемыми отцами нашими и содержимые въ истинно-соборной и апостольской церкви обычаи, преданные какъ письменно такъ и устно? *Стойте убо*, говоритъ святой апостолъ въ одномъ изъ посланій, *и держите преданія, иже научитесь или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Тесс. 11, 14), ибо и въ томъ и въ другомъ преданіи есть равная сила и доказательность. И развѣ рѣчи эти не рѣчи безумца и глупца — относительно одного и того же предмета въ одномъ случаѣ принимать преданіе, а въ другомъ отвергать? Почему этотъ умникъ, пытаясь такъ богословствовать, не уразумѣлъ, что церковь Христова, вмѣстѣ съ другими

всѣми достопочитаемыми и священными предметами, приняла изначально и доселѣ сохраняетъ непрерывное почитаніе честныхъ иконъ и подобающее имъ поклоненіе? Но это обычно, что самоувѣренность, порокъ тяжкій и общераспространенный, ошибается въ самомъ главномъ. И здѣсь (Мамона) обманываетъ или себя или тѣхъ, кого думаетъ убѣдить. Но нужно обращать вниманіе не на слова, которыми онъ пользуется для обмана другихъ, а цѣнить его поведеніе и дѣла, которыя онъ замыслилъ и совершилъ противъ святыхъ.

12. Потомъ прибавляетъ: „ни божество (Свое) не Измѣнилъ въ плоть, ни плоть не получила возрастанія въ божество“. Здѣсь онъ ясно показываетъ, что заблуждается относительно воплощенія Слова и мало по малу начинаетъ обнажать свое лукавство. Онъ не приписываетъ плоти неизмѣняемости въ томъ же смыслѣ, въ какомъ это дѣлаетъ въ отношеніи къ божескому естеству, хотя и думаетъ убѣдить кого-то, что онъ признаетъ плоть. Зачѣмъ въ такомъ случаѣ было ставить слово *возрастаніе* (*αὐξο-*) вмѣсто *неизмѣнности*? Но совершенно отвергая свойства плоти, онъ выставляетъ на видъ свое зломысліе. „Но такъ какъ, продолжаетъ, два естества соединились въ неслитное единство какъ божества такъ и челоуѣчества, то по ипостаси это Одинъ и Тотъ же, — двойственное въ единомъ лицѣ“. И здѣсь онъ обманываетъ самого себя, но не людей, разумѣвающихъ смыслъ того, что слышатъ, и имѣющихъ разумъ. Если бы онъ правильно понималъ (несліянность), то за чѣмъ бы ему тогда и не раздѣлять правильно? Если бы онъ исповѣдовалъ, что соединившіяся во Христѣ природы остались неслитными, тогда онъ безъ всякаго сомнѣнія призналъ бы ихъ и неизмѣнными? Иначе какимъ образомъ онъ

можетъ допускать, что свойства одного естества, то-есть Слова, сохраняются въ неизмѣнности, а свойства другаго естества, то-есть плоти, онъ отрицаетъ (и считаетъ за) какъ бы умаленныя? Это невозможно для человѣка, который считаетъ естества неизмѣнными и неслитными, ибо если онъ утверждаетъ, что одно потерпѣло измѣненіе въ своихъ свойствахъ, то долженъ признать это и относительно другаго. И мы все какъ исповѣдуемъ Христа совершеннымъ Богомъ, пребывающимъ въ образѣ Божіемъ то-есть въ сущности Бога, такъ же и вѣруемъ, что Онъ, принявъ нашъ зракъ раба, есть совершенный человѣкъ безъ всякаго недостатка. Такъ и церковь наша согласно божественно преданному намъ изъ проповѣдей апостольскихъ и ученій отеческихъ, исповѣдуя естества неизмѣнными и неслитными, ясно провозгласила свойства каждаго изъ нихъ тѣмъ, что есть то и другое. Поэтому онъ напрасно думаетъ, что опирается на ученіе церкви, ибо и въ данномъ случаѣ онъ изобличается мыслящимъ вопреки ему, слѣдуя за своими учителями Акефалами, изъ которыхъ нѣкоторые повидимому принимаютъ естества, но все они совершенно отвергаютъ и отрицаютъ ихъ свойства.

Послѣ того онъ безъ всякаго порядка и связи открыто и горячо высказываетъ сокрытую въ глубинѣ души ненависть противъ всего, что изображаетъ и представляетъ намъ человѣческой образъ Христа Спасителя нашего.

13. Онъ говоритъ: „хотя всякій образъ считается произведеніемъ какого либо первообраза“. Съ чѣмъ можно сравнить это? Развѣ не подобаетъ сказать, что у него, подобно кузнечному мѣху отъ закрытаго и нагнетаемаго воздуха вздулась утроба, какъ у того говоруна Вузитянина, который излагалъ укоризну ве-

ликому Авситянину (Иова гл. 32). И Мамона далѣе оказалась не въ состоянїи скрывать въ себѣ свою злобу. Теперь онъ послѣ долгихъ мукъ разрѣшился горькимъ выкидышемъ нечестія и сталъ изрыгать злобу, которую прежде казался скрывающимъ подъ покровомъ притворства. Это онъ высказалъ, не соображаясь съ связностію рѣчи, и тѣмъ показалъ, что онъ насильственно сдерживался и притворялся въ прежнихъ своихъ рѣчахъ. Его утроба лопнула бы, еслибы онъ не извергнулъ этихъ словъ вопреки порядку, стройности и послѣдовательности изложенія. Пошутивъ немного на сценѣ и осмѣявъ то, что только что лицедействовалъ, онъ возвращается къ своему настоящему состоянїю и дѣлается самимъ собой.

14. Старинная басня рассказываетъ о воронѣ, которая украсила себя чужими перьями и тѣшилась этимъ. Но вотъ подулъ на нее вѣтеръ, разсѣялъ подложное благообразіе, удалилъ чужое и обнаружилъ неприглядность вороны. Нѣчто подобное, кажется мнѣ, случилось и съ Мамоной. Преобразивъ себя при помощи нѣсколькихъ чужихъ (для него) изреченій православной вѣры, отъ дуновенія противной ему силы, немного спустя, выставилъ на показъ позоръ своего ученія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не ясно для всѣхъ, что онъ борется со славой Христовой, угрожаетъ ей и неистовствуетъ противъ воплощенія Слова? Раньше, чѣмъ начать говорить объ иконахъ, онъ излагаетъ ради лучшаго построенія своей рѣчи въ нѣсколькихъ изреченїяхъ свои взгляды. Замѣтьте здѣсь, какую связь это имѣетъ съ предшествующимъ. Сказавъ раньше объ естествахъ и ипостаси, онъ тотчасъ, понуждаемый дерзостію и страстію, безъ всякой связи перекакиваетъ къ иконамъ и первообразамъ, чтобы тѣмъ ясно показать, что все его сочиненіе съ начала до

конца направлено къ поруганію вмѣстѣ съ священными символами нашей вѣры всего домостроительства Христа Спасителя нашего и даже къ отверженію самого Христа. Разъ начавъ преслѣдовать такую цѣль, онъ дѣлается настойчивъ, сурово и строго выполняетъ планъ своего сочиненія. Онъ пользуется общимъ опредѣленіемъ, чтобы дать видъ, что ведетъ рѣчь объ образѣ вообще,—чрезъ это оставаться внѣ подозрѣнія для многихъ, а между тѣмъ говоритъ о томъ, что онъ задумалъ.

15. А именно онъ вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: „и если (изображеніе) хорошо, то оно является едино-сущнымъ изображаемому“. Итакъ, изображать Христа обыкновенно ты не запрещаешь, ибо Онъ субстанціально отличенъ отъ изображенія: одно есть Христось, а другое матерія, изъ которой изготовляется изображеніе. Не смѣшно ли доказывать это? Но опьяненный хмѣлемъ невѣрія и приведенный въ неистовство безбожіемъ, онъ высказалъ то, чего не сказалъ бы ни одинъ изъ лицедѣевъ и шутовъ, которыхъ многіе ради смѣха бьютъ по щекамъ. Все это конечно вздоръ и праздный трудъ его. Но есть столь неразумные и невѣжественные; что имъ представляется нѣчто достойнымъ вниманія въ этомъ. Вслѣдствіе этого мы считаемъ себя вынужденными заняться изслѣдованіемъ совсѣмъ ненужнымъ, ибо что нелѣпѣе и неразумнѣе сказаннаго имъ? Вѣдь это не можетъ быть рѣчью людей, сохранившихъ порядокъ въ своихъ мысляхъ. Еслибы онъ имѣлъ въ виду естественный образъ, который противопоставляется искусственному,—каковымъ (естественнымъ образомъ) мы называемъ Сына въ отношеніи къ Отцу, то его слова можетъ быть и имѣли бы какое либо значеніе. Но онъ провалился, неразумно употребивъ тутъ слово